

DOI: 10.31648/an.4757

Iryna Betko

ORCID: 0000-0002-8930-7476

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska

University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland

ПАРАДИГМЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ТАРАСА
ШЕВЧЕНКО И МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА:
ПОПЫТКА КОНФРОНТАТИВНОГО
ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(В 205-Ю ГОДОВЩИНУ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ПОЭТОВ)

THE PARADIGMS OF LIFE AND WORK OF TARAS
SHEVCHENKO AND MIKHAIL LERMONTOV:
AN ATTEMPT AT A COMPARATIVE PSYCHOLOGICAL-
-BIOGRAPHICAL ANALYSIS (IN COMMEMORATION
OF THE 205TH ANNIVERSARY OF THE POETS' BIRTH)

Keywords: Taras Shevchenko, Mikhail Lermontov, the paradigms of life and work, comparative psychological-biographical analysis

Abstract: Comparative studies devoted to the work of Taras Shevchenko and Mikhail Lermontov began in the 1920s. However, there are still many unresolved problems in this area. An attempt at a comparative psychological-biographical analysis makes it possible to identify the exclusive spiritual kinship of the two poets.

В 2019 г. исполняется 205 лет со дня рождения двух светочей мировой литературы и культуры – Кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченко (25.02/ 9.03.1814–26.02/10.03.1861) и одного из самых вдохновенных поэтов-пророков России Михаила Юрьевича Лермонтова (3/15.10.1814–15/27.07.1841). На земном пути первому было отмерено 47, второму – 26 лет жизни.

Несмотря на то, что *перекрёстное* изучение близких по духу литературно-художественных, мировоззренческих и пр. парадигм жизни и творчества двух восточнославянских поэтов-ровесников в наши дни составляет уже почти столетнюю традицию, уходящую корнями в 20-ые годы прошлого века¹, в этой области остаётся ещё немало заслуживающих внимания тем. Одну из них репрезентирует выносимая ныне на суд однодумцев и оппонентов попытка конфронтативно-аналитического взаимосопоставления некоторых аспектов психобиографии Шевченко и Лермонтова, похожих и непохожих одновременно.

В теоретико-методологическом плане существующие на сегодня компаративистские работы шевченковедов и лермонтоведов опираются преимущественно на «общность исторических предпосылок, а также свойственное обоим поэтам стремление к свободе, правде и добру», что «позволяет отметить ряд тематических, образных, текстуальных и интонационных параллелей в их творчестве»² [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, III, 737]. Подобный подход, будучи плодотворным во многих отношениях, тем не менее, неизбежно *выносит за скобки* исследования весь богатейший контекст несовпадений, что в конечном итоге концептуально обедняет и упрощает его результаты.

Попытка привести к общему типологическому знаменателю хотя бы некоторые из наиболее спектакулярных несовпадений представляется небезынтересной. Ведь при всех расхождениях того или иного рода символично-прагматическая подоплёка психобиографии обоих героев нашего исследования выказывает ярчайшую доминанту бытия и самореализации творческой личности как таковой в чрезвычайно враждебных экзистенциальных условиях. Принятие подобной методологической стратегии, среди прочих возможностей, думается, позволит выявить скрытое духовное родство даже тех коллизий и фактов, которые на первый взгляд кажутся несопоставимыми.

Прежде всего весьма непохожей была та социально-культурная, а также семейно-бытовая и психологическая среда, в которой формировались Шевченко (выходец из многодетной семьи крепостных крестьян) и Лермонтов (потомственный дворянин, единственный сын своих родителей, «покорный внук»³ [Лермонтов 1964–1965, IV, 405, 406, 410, 433, 434, 438] и наследник

---

¹ Список трудов в рамках данной исследовательской традиции открывает опубликованная в 1924 г. работа украинского учёного Стефана Андреевича Таранушенко (1889-1976) *До питання про лермонтовські мотиви в «Кобзарі» Шевченка* [Таранушенко 1924]. Довольно подробную библиографию по рассматриваемой теме, доведённую до 2007 г., содержит энциклопедическая статья Ольги Охрименко *Лермонтов Михайло Юрійович* [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, III, 737]. См. также небезынтересные библиографические позиции в статье Исаия Яковлевича Заславского (1915-2000) *Шевченко Тарас Григорьевич* [*Лермонтовська енциклопедія* 1981, 621].

² Здесь и далее перевод с украинского мой – И.Б.

³ Так Лермонтов подписывался в письмах к своей бабке по материнской линии.

богатой бабки), условия их дальнейшей жизни и многое другое. Например, в период с 1 сентября 1828 г. по 18 июня 1832 г., когда юный Михаил успешно и беспрепятственно развивал свои многочисленные таланты, постигая науки сперва в Московском университетском благородном пансионе (29 марта 1830 г. преобразованном в гимназию), а после и в самом Московском университете (куда был принят 1 сентября 1830 г.) [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 644-646], его ничуть не менее одаренный сверстник Тарас, который был старше на 7 месяцев и 7 дней, к тому времени уже давно освоивший школьную науку чтения и письма и теперь страстно желавший овладеть искусством рисунка и живописи, нёс монотонно-унизительную службу казачка-лакея у своего немилосердного крепостника – «феодала-собачника» Павла Энгельгардта (1798-1849). Этот последний «на спине Шевченко высек „хартию господского самовластия”». Повинуясь его воле, юноша выехал с родной Украины сначала в Вильно (1829-1831), а оттуда – в Петербург, где в 1832 г. наконец-то был законтрактован на 4 года как ученик «маляра или так называемого комнатного живописца, некоего» Василия Ширяева (1795-?), «человека грубого и жестокого» [Зайцев 1955, 29-41].

В контексте конфронтативного психобиографического анализа весьма интригующий символический подтекст приобретает тот сам по себе нейтральный факт, что, одновременно пребывая в Петербурге на протяжении почти целого десятилетия (в более или менее длительные периоды времени с начала августа 1832 г. до середины апреля 1841 г.)⁴, поэты никогда не имели возможности познакомиться лично. Более того, Лермонтову даже не суждено было узнать о существовании своего одногодка-украинца – такого же, как он, поэта, – опального и гениального, – который 9 лет спустя после его гибели, отбывая собственную ссылку, в 1850 г. «зачитывался» им «и находил в этом духовное пристанище, утешение и поддержку» [Зайцев 1955, 252]. В частности, исповедальный лирический шедевр *Выхожу один я на дорогу...* (1841) Шевченко называл «лучшей молитвой Создателю» [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, III, 737], а в 32-48 строках философской элегии *Мені здається, я не знаю...* (1850) он посвятил Лермонтову вдохновенные слова глубокого человеческого сочувствия и самого искреннего восхищения, какие только один художник слова может выразить другому⁵.

⁴ В это десятилетие Шевченко практически ни разу не покинул столицу [Зайцев 1955, 41-84]. Календарь пребывания Лермонтова в Петербурге в этот период таков: начало августа 1832 г. – середина марта 1837 г., конец января – середина февраля 1838 г., конец апреля 1838 г. – начало мая 1840 г., начало февраля – середина апреля 1841 г. [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 646-654].

⁵ См.: «Де ж ти? / Великомучениче святий? / Пророче Божий? Ти меж нами, / Ти, Присносуший, всюди з нами / Витасеш ангелом святим. / Ти, любий друже, заговорил / Тихенько-тихо... про любов / Про безталанную, про горе, / Або про Бога, та про море, / Або про марне литу кров / З людей великими катями, / Заплачеш тяжко перед нами, / І ми заплачемо... Жива / Душа

Судьба словно бы умышленно препятствовала личному знакомству этих двух гениев, духовно столь близких, максимально сокращая (в целом до каких-то двух лет и нескольких месяцев) те промежутки времени, когда их встреча в том или ином культурном салоне Петербурга могла бы состояться в принципе. Так, Шевченко обрёл гражданское право беспрепятственно вести жизнь свободного художника, лишь получив вольную 22 апреля 1838 г. Но к этому моменту Лермонтов уже больше года находился в опале, которая началась ещё 18 февраля 1837 г., вследствие чего ему всё реже предоставлялась возможность бывать в столице.

Тем временем в круг общения обоих молодых поэтов входили такие выдающиеся личности, как, например, Карл Брюллов (1799-1852) или Виссарион Белинский (1811-1848), а особенно – Василий Жуковский (1783-1852), которого с полным правом можно назвать добрым гением каждого из них. Он не раз, пользуясь своим авторитетом у членов императорской семьи, хлопотал о смягчении участи опального Лермонтова, способствовал публикации и популяризации его произведений. В свою очередь, деятельное участие Василия Андреевича в архисложном деле выкупа Шевченко из крепостной неволи имело значение попросту неоценимое.

Одна из центральных ролей в упомянутом деле принадлежала Брюллову, написавшему знаменитый портрет Жуковского, который, будучи разыгранным в лотерею, позволил выручить весьма крупную денежную сумму (2500 рублей), назначенную Энгельгардтом за душу своего крепостного. Впоследствии этот прославленный живописец не только принял Шевченко в число своих учеников, но и стал его настоящим старшим другом. Интересы же к Лермонтову он не проявлял, не сумев разглядеть за его внешним обликом черт истинной гениальности. Ираклий Андроников (1908-1990) приводит следующее высказывание Брюллова, которое грешит крайней субъективностью: «Я как художник, – сказал он однажды, вспомнив лермонтовские стихи, – всегда прилежно следил за проявлением способностей в чертах лица человека, но в Лермонтове я ничего не нашёл» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 13].

Диаметрально противоположную позицию по отношению к русскому и украинскому поэтам занимал Белинский. Насколько глубоко и проникновенно сумел он оценить творчество Лермонтова, настолько же заблокированным оказался для него художественный мир, а в первую очередь – сам украинский язык произведений Шевченко. Борис Егоров подчёркивает, что, будучи приверженцем сильного государства, украинскую культуру и язык русский критик неизменно воспринимал с имперских позиций – как явление узко региональное. Поэтому в стремлении украинской интеллигенции развивать собственную культуру он усматривал опасные,

---

поетова святая, / Жива в святых своїх речах, / І ми, читая, оживаєм / І чуєм Бога в небесах» [Шевченко 2003, 220-221].

с его точки зрения, сепаратистские тенденции: «Отсюда, как правило, – негативное отношение Белинского к Шевченко»⁶ [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012–2015, I, 382].

Вот лишь два красноречивых факта. Во-первых, на историческую поэму-эпопею *Гайдамаки* (1839-1841), одно из самых грандиозных произведений Кобзаря, *неистовый Виссарион* отозвался «остро негативной рецензией», давая ему «ироническую, или даже издевательскую оценку»⁷. Во-вторых, «с ужасающим злорадством отнёсся Белинский к расправе над Шевченко» [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, I, 382], ставшей одним из наиболее трагических последствий разгрома Кирилло-Мефодиевского Братства царским правительством в 1847 г.

*

Высокая степень внутреннего подобия индивидуально-личностного и творческого психотипов Шевченко и Лермонтова, при всём различии внешних факторов, порой довольно существенном, кажется поразительной. Она обусловлена прежде всего «всесторонней одарённостью обоих авторов (они поэты, прозаики, драматурги, художники)» [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, III, 737]⁸, а вдобавок прекрасно декламируют собственные произведения и весьма музыкальны⁹. Как люди искусства, оба склонны к проявлению различных, в т.ч. *теневых*, черт божественного образа жизни. В частности, каждый из них обладал редкой способностью употре-

⁶ Несколько иным «было отношение Белинского к Шевченко-художнику», – а, собственно говоря, иллюстратору, да и то далеко не ко всем его работам в этой области [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, I, 383].

⁷ Более подробно о литературной полемике Шевченко с Белинским см.: [Зайцев 1955, 78-82, 85-89].

⁸ Выпускник Петербургской Академии искусств (1844), бывший любимым учеником Брюллова и неоднократно получавший за свои студенческие работы высокие награды, Шевченко достиг высот мастерства как живописец, портретист, иллюстратор и график; 2 сентября 1860 г. советом Императорской академии искусств он был удостоен звания академика гравюры. Лермонтов также имел бы огромные шансы «стать настоящим художником», *если бы* «профессионально занимался живописью» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 17].

⁹ Лермонтов «был одарён удивительной музыкальностью – играл на скрипке, на фортепиано, пел, сочинял музыку на собственные стихи. В последний год жизни он положил на музыку свою *Казачью колыбельную песню*. Были даже и ноты, но пропали» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 17]. Музыкальная одарённость Шевченко имела следующий характер: с детства он «любил не только рисовать, но и петь. (...) Народная песня была верной спутницей его жизни, одним из источников его творческого вдохновения. Печальными или весёлыми напевами передавал он своё настроение, удивляя слушателей природённым артистизмом, способностью эмоционального перевоплощения, глубокого проникновения в словесные и музыкальные образы. Друзья и знакомые Шевченко свидетельствуют, что его пением заслушивались, т.к. в нём чувствовалась душа творца, настоящего народного гения. У поэта был мягкий, чистый, приятного тембра звонкий голос (тенор или баритон с высокими теноровыми нотами), тонкий музыкальный слух; он пел соло, в ансамбле (чаще – дуэтом) и в хоре. (...) умел играть на гитаре, аккомпанировал себе во время пения. (...) В процессе стихосложения у него часто рождались напевы-импровизации, которых так никто и не зафиксировал» [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, IV, 354, 356].

блять большие дозы алкоголя, практически не пьянея. По воспоминаниям сослуживца и друга Лермонтова Руфина Дорохова (1801-1852), «на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился» [Герштейн 1986, 229].

Подобным образом выглядело и «многопитие» украинского поэта. Биограф Павел Зайцев (1886-1965) приводит свидетельства близко знавших его историка и писателя Николая Костомарова (1817-1885), а также художницы Екатерины Юнге (урожд. Толстая, 1843-1913), из которых следует, «какими гомерическими порциями Шевченко мог пить ром»: «после того, как он выпивал десять стаканов чаю с ромом (точнее, „рому с чаем” (...), по нему не видно было, что он вообще что-либо пил. Имел очень сильную голову» [Зайцев 1955, 373].

Подобие психотипов обоих поэтов во многом обусловила трагическая судьба каждого из них. Её роковые коллизии в биографии Лермонтова таковы:

ранняя гибель матери [Марии Михайловны Лермонтовой, урожд. Арсеньевой, 1795-1817 – И.Б.], жизнь вдали от отца [Юрия Петровича Лермонтова, 1787-1831 – И.Б.], которого ему запрещено было видеть, мучения неразделённой любви в ранней юности, а потом разлука с Варварой Лопухиной [в замужестве Бахметова, 1815-1851 – И.Б.], разобщённые судьбы, политические преследования и жизнь изгнанника в последние годы... Всё это свершалось словно затем, чтобы усилить трагический характер его поэзии [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 18].

Трагическая судьба Шевченко поразительным образом обнажает практически идентичные парадигматические узлы, начиная с травмы ранней утраты любящей матери, которую Михаил потерял в возрасте трёх, а Тарас – девяти с половиной лет. Эту тяжёлую травму невероятно усиливали внешние обстоятельства, характер которых, однако, в каждом конкретном случае имел свои отличительные черты.

Так, во-первых, место Екатерины Шевченко (урожд. Бойко, 1783-1823), безвременно сошедшей в могилу матери будущего украинского поэта довольно быстро заняла мачеха – «ещё молодая» Оксана Терещенко (1786-?), «овдовевшая (...) с тремя малолетними детьми». Жестокая и эмоционально неуравновешенная, она превратила жизнь своей новой «семьи (...) в настоящий ад», причём «хуже всех в этом семейном аду было Тарасу», боявшемуся «попадать на глаза лютой мачехе». Своей ненавистью она не переставала преследовать пасынка даже тогда, когда они уже не жили под одной крышей. Во-вторых, вслед за матерью Тарас вскоре лишился также и отца, оставшись круглым сиротой в одиннадцатилетнем возрасте [Зайцев 1955, 16, 17, 19, 23].

Что же касается психо-экзистенциальной ситуации будущего русского поэта, то, во-первых, при живом отце он насильственно был с ним разлучён стараниями бабки Арсеньевой Елизаветы Александровны (урожд. Столыпина, 1773-1845). Во-вторых, эта женщина, всецело посвятившая себя

воспитанию обожаемого внука, тем не менее, сыграла в его судьбе весьма амбивалентную роль, о чём свидетельствуют следующие факты:

Любовь к внуку была одновременно самоотверженной и властной; ради Лермонтова бабушка готова была на любые жертвы, но с тем, чтобы распоряжаться судьбой внука безраздельно. Больше всего опасалась она влияния со стороны отца. (...) составила завещание в пользу внука, поручив своим братьям до совершеннолетия Лермонтова принять на себя опеку над его именными и не отдавать мальчика отцу; в противном случае она лишала внука наследства. (...) В 1830 г. он был на грани ухода к отцу, однако победила самоотверженная [а, собственно говоря, эгоцентрическая – И.Б.] любовь Арсеньевой [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 36-37].

Таким образом, (полу)сиротство Михаила, по рождению принадлежавшего к высшим сферам общества, в каком-то смысле оказалось ничуть не менее мучительным, чем круглое сиротство стоявшего на самой нижней ступени социальной иерархии Тараса. В некомпенсированных травмах ранних лет, несомненно, следует искать одну из важных причин того, что о «Лермонтове говорили как о „психической загадке»» [Герштейн 1986, 109]. «Семейная драма, особенно столкновения между отцом и бабушкой», этих самых родных ему людей, «противоборства» которых „Миша не понимал»» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 242], будучи непосильным бременем для души сначала ребёнка, а затем – подростка, впоследствии во многом обусловила крайне «сложный и (...) противоречивый характер» поэта, «границ» которого «были очерчены особенно резко» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 15].

Психологическая подоплёка взаимоотношений внука и бабушки, оставшейся после «смерти отца (1831) (...) самым близким человеком для Лермонтова» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 37], указывает на то, что он пребывал в какой-то роковой эмоционально-духовной зависимости от этой тиранической женщины, постоянно навлекавшей беды на своих ближних. Её супруг Арсеньев Михаил Васильевич (1768-1810, дед поэта), брак с которым не был счастливым, полюбив другую женщину, наложил на себя руки. Единственная дочь, чья семейная жизнь также не сложилась во многом из-за взаимной неприязни матери и мужа, умерла от чахотки в 22 года.

Следующим в ряду невосполнимых потерь стал горячо любимый внук, причём на этот раз бабушка в какой-то момент даже невольно оказалась на стороне его врагов. Не ведая, что творит, и не предвидя фатальных последствий своего недалёковидного требования, в конце 1837 г. «,по совету гр. Бенкендорфа» Е.А. Арсеньева „не пускала в отставку» Лермонтова, к которой он стремился с самого начала своей вторичной службы в лейб-гвардии гусарском полку». И поэт, считая долгом «,ей чем-нибудь пожертвовать», (...) остался в полку». Тем самым трагический сценарий его судьбы получал дальнейшее беспрепятственное развитие, поскольку, имея «неблагонадёжного поэта под рукою, (...) легче было над ним надзирать»: не случайно «держатъ

(...) „подозрительных” лиц (...) под своим пристальным наблюдением (...) было излюбленным приёмом царя Николая I» [Герштейн 1986, 52, 3].

Особого осмысления требует тот факт, что Лермонтов, как и Шевченко, создав проникновенные стихи о матери и об отце, воспитавшей его бабушке не посвятил ни единой поэтической строки. В этом можно усматривать своеобразный неосознанный протест *покорного внука* против своеволия Арсеньевой: по всей видимости, только творчество было тем единственным убежищем, где он чувствовал себя полностью свободным.

Очередной факт, поразительным образом сближающий судьбы Лермонтова и Шевченко, связан с именем императрицы Александры Фёдоровны (Романовой, уродж. принцессы Фридерики Луизы Шарлотты, 1798-1860), супруги императора Николая I (Романова, 1796-1855). Парадоксальным образом она ухитрилась нанести вред обоим поэтам: сперва русскому – своей любовью, затем украинскому – своей ненавистью. Невольно приходит на память знаменитый афоризм Лизаньки из комедии *Горе от ума* (1822-1824) Александра Грибоедова (1795-1829), который в рамках рассматриваемых психобиографических коллизий надлежало бы уточнить следующим образом: *минуй нас пуще всех печалей / и царский гнев, и царская любовь...*

«Его я не могу простить, он обидел мою мать», – по преданию, сохранившемуся в семье гр. Толстых, именно такой веский аргумент привёл император Александр II (Романов, 1818-1881), категорически не соглашаясь на амнистию ссыльного Шевченко по случаю своей коронации в 1856 г. Но и после возвращения из оренбургского изгнания личная «ненависть (...) царицы-вдовы к нашему поэту» существенно усложняла его жизнь, создавая, в частности, препятствия при издании произведений, лишая тем самым средств к существованию и т.п. Даже смерть этой августейшей особы, «которую Шевченко изобразил в гротескном образе тонконогой цапли» в поэме *Сон (Комедия)* (1844),

напомнила ему тяжкие страдания, пережитые в ссылке, в «казарме смердящей», вспомнилось и то, что из-за неё Александр II долго не соглашался на амнистию поэта (...) и «легенда», которая (...) «сплелась» на жандармском следствии 1847 г., будто бы его освобождение из [крепостной – И.Б.] неволи было благодеянием царской семьи [Зайцев 1955, 281-282, 310, 369-370].

В свою очередь, то негативное влияние, которое императрица так или иначе оказала на экзистенциальную ситуацию русского поэта, Эмма Герштейн (1903-2002) подытожила следующим образом:

Глухие рассказы о каких-то членах царской семьи, проявлявших интерес к личности и творчеству Лермонтова, подтвердились документально письмами и дневниками императрицы. Вмешательство Александры Фёдоровны в судьбу поэта только усугубило его тяжёлое положение [Герштейн 1986, 322].

Последнее объясняется тем, что внимание «Александры Фёдоровны к творчеству Лермонтова было с неодобрением замечено Николаем I»

[*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 472], который своей параноидальной жестокостью и необузданным самодурством омрачил существование не только Лермонтова и Шевченко, но и многих других их выдающихся соотечественников и современников. Тот же факт, что, руководствуясь «личными прихотями», монарх расправлялся «с гвардейскими офицерами, как с крепостными рабами» [Герштейн 1986, 191], особым, почти мистическим образом роднит психобиографии русского и украинского поэтов.

Как справедливо констатировал Николай Огарёв (1813-1877), царь-самодур «постоянно преследовал Лермонтова» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 471]. В 1837-1841 гг. прокатилось три волны «явных гонений на поэта»: помазанник Божий

систематически отказывал ему в воинских наградах. В 1841 году не пустил в отставку, несмотря на настоятельные просьбы влиятельных лиц (...) отказывал Лермонтову в выслуге – мера, которая применялась к самым опасным или государственным преступникам. (...) У поэта отнята возможность заниматься своим прямым делом – литературным. Ему не оставлено никакой надежды (...) ни на повышение чина, ни на военное отличие, ни на отставку. (...) Завершением жестокого умысла Николая I явилось последнее «высочайшее» запрещение Лермонтову отлучаться от своего полка и посмертные бранные отзывы царя о поэте [Герштейн 1986, 3, 4, 69, 191, 217, 216].

Специального комментария требует факт *глумления* над протагонистом «лермонтовского романа» *Герой нашего времени* (1838-1840), *пропитанного «личной ненавистью к автору (...) царя»* [Герштейн 1986, 65]. Его следует рассматривать в более широком контексте духовно-эстетической несостоятельности монарха, неизменно отбировавшего право на существование всему, что было, по словам Александра Герцена (1812-1870), «выше уровня, начертанного императорским скипетром...». Так, после того, как полная версия стихотворения *Смерть поэта* (1837) стала известна в придворных кругах, он, помимо прочих репрессивных мер, потребовал, чтобы старший медик гвардейского корпуса посетил автора с целью «удостовериться, не помешан ли он» [*Лермонтовская энциклопедия* 1981, 471].

Показательно, что мотив подозрения в *помешательстве* автора антимонархических произведений впоследствии отозвался весьма своеобразным эхом во время расправы над Шевченко в связи с его причастностью к деятельности Кирилло-Мефодиевского братства (1845-1847). В частности, на 16-ый вопрос следствия, сформулированный (как и всё, что касалось его лично) «хитро и провокационно»:

Что довелось Вас до такого нахальства, что вы писали наидерзейшие стихи против Государя Императора, и до такой неблагодарности, что, кроме величества Священной Особы Монарха, забыли в нём и Августейшей Семье Его ваших личных благодетелей, которые так нежно повели себя при выкупе вас из крепостничества?, –

Шевченко, поставленный в безвыходное положение, тем не менее, ответил очень «мудро и дипломатично». Формально будто бы прибегая к самоосуждению: «я (...), забыв совесть и страх Божий, отважился писать дерзкие вещи против моего наивысшего благодетеля, чем доказал своё безумие», – поэт при этом отважно засвидетельствовал, что в Петербурге, а особенно в Украине «увидел (...) убожество и страшное угнетение крестьян (...) именем Царя и Правительства» [Зайцев 1955, 172-173].

Члены Кирилло-Мефодиевского братства, как и вся Украина к тому времени, окружали имя своего Кобзаря не просто огромным уважением, но и почти религиозным культом. И хотя жандармское следствие Третьего отделения не установило формальной принадлежности поэта к этой тайной политической организации, кара, «назначенная царём Шевченко, была самой тяжёлой» [Зайцев 1955, 171, 177]. Всё это позволяет провести поразительные типологические параллели с петербургским оппозиционным «Кружком шестнадцати», в 1838–1840 гг. объединившим представителей аристократической молодёжи. Герштейн пишет: «Огромное расстояние отделяет мощную одухотворённую личность Лермонтова от его товарищей по этому кружку», – причём преследования, которым подвергались со стороны императора некоторые члены «Кружка шестнадцати», ни «в какое сравнение не идут с [...] проявлением» *жестоких репрессий* «против Лермонтова» [Герштейн 1986, 216].

Те бесчеловечные гонения, которым Шевченко систематически подвергался после разгрома Кирилло-Мефодиевского братства, доказывают лишний раз, что, как и в случае Лермонтова, личное «раздражение играло большую роль у Николая Павловича при решении судеб своих подданных» [Герштейн 1986, 67]. Факты говорят сами за себя:

Созданный Николаем I политический режим и царь лично сыграли в судьбе Шевченко как причастного к Кирилло-Мефодиевскому братству роль высшего государственного судьи, отдав его без суда в армию и запретив в ссылке писать и рисовать. Попытки поэта, прибегавшего к заступничеству высших чиновников, выхлопотать позволение рисовать или повышение в чин унтер-офицера (что, по крайней мере, избавило бы его от казармы) царь резко отклонял [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, IV, 204].

Таким образом, как Лермонтов *за стеной Кавказа*, так и Шевченко, отбывающий солдатскую службу в Южном Предуралье – «в далёком отдельном Оренбургском Корпусе „с правом выслуги“» [Зайцев 1955, 177] *de jure – de facto* был этого пресловутого *права выслуги* лишён. Знаменитые же слова сосланного Кобзаря: «Караюсь, мучуся... але не каюсь!...» [Шевченко 2003, 225], – как нельзя лучше характеризуют экзистенциальную позицию обоих поэтов, поскольку для каждого из них Николай I был «воплощением государственного деспотизма, беззакония, крепостничества» [*Шевченківська енциклопедія у шести томах* 2012-2015, IV, 204].

*

Anno Domini 1814, когда Шевченко и Лермонтов начали свой земной путь, исполненный творческих радостей и человеческих страданий, отмечен взятием Парижа и – как следствие – отречением от трона императора Наполеона I Бонапарта (1769-1821). С историсофских позиций двух следующих веков этот год видится как зловещая столетняя вежа, давшая отсчёт началу таких международных военных конфликтов, как первая мировая война (1914) и официально не объявленная российская агрессия на территориальную целостность суверенной Украины (2014). В контексте глобальной травмы общественного сознания противостоять подобным военно-политическим катастрофам, думается, могут лишь феномены такого крупного культурно-духовного масштаба, как творческие личности Шевченко и Лермонтова – воистину *из пламя и света рождённые* – с их «гуманизмом, силой любви и ненависти, неприятием жестокости, бездуховности и пассивности» [*Шевченківська енциклопедія у шести томах 2012-2015, III, 737*].

Библиография

- Giersztiejn Emma Grigorjewna. 1986. *Sud'ba Lermontowa*. Izd. 2, isprawlennoje i dopolniennoje. Moskwa: Chudożestwiennaja litieratura [Герштейн Эмма Григорьевна. 1986. *Судьба Лермонтова*. Изд. 2, исправленное и дополненное. Москва: Художественная литература].
- Lermontow Michaił Jurjewicz. 1964-1965. *Sobranije soczinienij w czetyrioch tomach*. Pod ried. Andronikowa I.Ł. i Oksmana Ju.G. Moskwa: Chudożestwiennaja litieratura [Лермонтов Михаил Юрьевич. 1964-1965. *Собрание сочинений в четырёх томах*. Под ред. Андроникова И.Л. и Оксмана Ю.Г. Москва: Художественная литература].
- Lermontowskaja encykłopedija*. 1981. Gł. ried. Manuǰłow W.A. Moskwa: Sowietskaja encykłopedija [Лермонтовская энциклопедия. 1981. Гл. ред. Мануйлов В.А. Москва: Советская энциклопедия].
- Szewczenkiws'ka encykłopedija u szesty tomach*. 2012-2015. Hołowa redkolehiji Żułyńs'kuj M.H. Kyjiw: Nacional'na Akademija nauk Ukrajinu [*Шевченківська енциклопедія у шести томах*. 2012-2015. Голова редколегії Жулинський М.Г. Київ: Національна Академія наук України].
- Szewczenko Taras Nryhorowycz. 2003. *Powne zibrannia tworiw u szesty tomach*. T. 2: *Poezija 1847-1861*. Red. Borodin W. Kyjiw: Naukowa dumka [Шевченко Тарас Григорович. 2003. *Повне зібрання творів у шести томах*. Т. 2: *Поезія 1847-1861*. Ред. Бородин В. Київ: Наукова думка].
- Taranuszenko Stefan Andrijiowycz. 1924. *Do pyttannia pro lermontows'ki motywy w «Kobzari» Szewczenka*. V: *Naukowuj zbirnyk Charkiw's'koi naukowo-dostidnoji kafedry istoriji Ukrajinu*. Wup. 1: *Pamjati akad. M. Sumcowa*. Charkiw: Derżawne Wydawnystwo Ukrajinu [Таранушенко Стефан Андрійович. 1924. *До питання про лермонтовські мотиви в «Кобзарі» Шевченка*. В: *Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії України*. Вип. 1: *Пам'яті akad. М. Сумцова*. Харків: Державне Видавництво України].

Zajcew Pawło Iwanowycz. 1955. *Żyttia Tarasa Szewczenka*. N'iu-Jork–Paryż–Miunchen: Naukowe towarzystwo im. Szewczenka [Зайцев Павло Іванович. 1955. *Життя Тараса Шевченка*. Нью-Йорк–Париж–Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка].

Kontakt z Autorką:
iryna.betko@uwm.edu.pl